

— Особые условия... — тут же догадался Ся Дунли и задумчиво произнес: — Я знаю, что некоторым семенам для прорастания обязательно нужен огонь. Неужели есть и такие, которым требуется долгое вымачивание?

— Такое тоже бывает, но я имел в виду не это, — Нэчжа, не поднимая головы, продолжал играть в игру. — Семена некоторых растений оказываются зарыты довольно глубоко. Если дождь не прольется достаточно сильно, земля над ними не вымоется, они так и не смогут прорасти. А если останутся под землей насовсем, через пару лет просто сгниют.

— Растение, которое должно было вырасти, не проросло из-за слишком слабого дождя. Какое-то животное, питавшееся им, пришло сюда, не найдено еды и умерло от голода. А это животное в силу особых причин играло особую роль. Из-за его преждевременной гибели эта роль не была сыграна, возникла проблема — и вся эта цепочка причинно-следственных связей сойдется в итоге на том самом дожде.

Он приподнял веки и с нескрываемой досадой добавил:

— Что еще хуже, никто до самого последнего момента не знает, насколько серьезным окажется влияние этой кармической цепи. Поэтому, чтобы избежать лишних неприятностей, драконы ни за что не меняют план осадков — если только кто-то не пожелает взять всю кармическую ответственность на себя.

Ся Дунли стало любопытно. Он подошел поближе и спросил:

— Взять ответственность на себя? Это как?

— Ну, помнишь, в вашей древности великие наставники, могущественные заклинатели или императоры совершали жертвоприношения небу, моля о дожде или, наоборот, о его прекращении? Если запаса их удачи и благоденствия хватало, чтобы компенсировать последствия, драконы могли прислушаться к их просьбе и оказать услугу. Но все последствия правитель брал на себя.

— Если же какому-то бедолаге не хватало сил выдержать эту ношу, бремя переходило на его наследников по крови. А если и те не справлялись... что ж, просто менялась династия, — в голосе Нэчжа проскользнули прохладные, равнодушные интонации: видать, за свою жизнь он насмотрелся на подобные уроки судьбы. — Впрочем, ваше нынешнее время оказалось весьма неожиданным.

Ся Дунли слегка наклонил голову набок, и Нэчжа небрежно продолжал:

— Молиться не небу и земле, а чтить героев — разве это не особенность вашей эпохи?

— «Серебряные мотыги опустились на Пять хребтов, стальные руки сотрясли три реки. Позвольте спросить, куда держит путь дух моровой язвы? Бумажные кораблики и яркие свечи озаряют небо огнем...» Помнится, ваш бывший лидер написал эти строки, так Владыка мора тогда от злости чуть пополам не переломился.

Нэчжа положил телефон экраном вниз и с улыбкой произнес:

— Не скажу, что это плохо. Ваше время — самое необычное из всех. Нам и самим жуть как интересно, куда двинется этот мир. Будешь стараться — глядишь, и сам все увидишь.

Ся Дунли поднял глаза на туманный горизонт, где небо сходилось с землей под непрерывной

водяной пеленой. Его взгляд скользнул за навес для сбора дождевой воды, и на губах само собой появилось теплое чувство.

И ровно в этот момент старый Царь драконов, который хоть и находился в самом центре разговора, но за все время не уронил ни слова, вдруг приподнял веки и крайне недовольно фыркнул.

Совпадение или нет, но сразу после этого фыркания сквозь пелену облаков пробился первый луч солнца, и бесконечный осенний дождь, ливший почти неделю, наконец прекратился.

Прояснение погоды, разумеется, означало, что пора возвращаться к приостановленным делам. Более того, к привычным заботам добавились еще и работы по расчистке водостоков.

Хотя холмик находился на возвышенности, проливные дожди не прошли для него бесследно.

И размытые ветром и потоками воды канавы, и сглаженные защитные полосы требовалось восстанавливать заново, а самые хрупкие вишневые деревья и подавно нуждались в особой защите.

После отъезда Чэнь Ли на холмике остались работать только Ся Дунли и Сюнь Вань, так что оба быстро погрузились в хлопоты с головой.

По правде говоря, завлекая Сюнь Ваня на земляные работы, Ся Дунли поначалу немного нервничал. Однако, к его удивлению, старый Царь драконов вообще никак на это не отреагировал: на двоих испачканных с ног до головы в грязи парней, то и дело сновавших туда-сюда, он просто не обращал ни малейшего внимания.

Со временем Ся Дунли окончательно расслабился!

Тем временем поисково-исследовательские работы, приостановленные из-за ливней, возобновились.

Мир ученых довольно прост: истина есть истина, а фальшь есть фальшь. Когда ряженая «экспедиция» сталкивается с настоящими экспертами, стычки вполне неизбежны.

Но чего Ся Дунли уж никак не ожидал, так это того, что первыми с жалобой прибегут именно эти лженаучные деятели.

Не прошло и трех дней с тех пор, как прояснилось небо и все дружно отправились в горы, как один демонический юноша прибежал к Нэчжа и в слезах стал умолять, чтобы его больше не заставляли работать вместе с людьми.

В тот момент Ся Дунли только-только вылез из грязи и, обложившись словарями, погрузился в кошмар древнекитайского языка. Он лишь мельком увидел, как молоденький демон всхлипывал, закрыв лицо руками, а Нэчжа с мрачным видом пытался его утешить. Поскольку в итоге юношу удалось успокоить, Ся Дунли не стал вслушиваться в разговор.

Вечером того же дня, отправляясь выбросить мусор, он заметил Лао Ли — того самого, на которого пожаловался демон. Лао Ли сидел на корточках в углу и с кем-то говорил по телефону. Ся Дунли был далеко и слышал лишь обрывки невнятных фраз. Странность заключалась в том, что стоило Ся Дунли взглянуть в его сторону, как Лао Ли, будто почувствовав этот взгляд, тут же повернулся волчком, словно гигантский гриб, и продолжил шептаться, еще сильнее понизив голос.

Ся Дунли такое поведение озадачило, но выведывать чужие тайны он не любил, так что просто выбросил этот случай из головы.

А на следующий день случилась еще более странная вещь.

К холмику подъехали два незнакомых микроавтобуса. Человек, шедший первым, постучал в двери дома Ся Дунли и очень вежливо попросил разрешения пройти через их участок в горы.

Ся Дунли искренне недоумевал. Хотя холмик действительно перекрывал часть тропы, гора Байюнь представляла собой огромную горную цепь с несколькими подъемами. Совершенно не было необходимости делать такой крюк и подниматься именно отсюда.

Затевать такое столпотворение казалось ему намеренным и довольно подозрительным.

Эти сомнения мучили его ровно до тех пор, пока он не взглянул на удостоверение гостя.

«Инспектор провинции Цзилинь по 5-му Всекитайскому учету больших панд».

Дата выдачи — вчерашнее число. С пылу с жару.

Ся Дунли остолбенел. Он приоткрыл рот, и у него вырвалось:

— У нас тут... есть большие панды?!

О переписи панд он, конечно, слышал: когда кампания только начиналась, в интернете поднялся нешуточный шум. Пользователи сети наперебой выражали надежду, что исследователям удастся отыскать побольше милых пушистых бамбуковых медведей, и Ся Дунли тоже следил за новостями. Но какое отношение это имело к их Дунбэю? С какой стати сюда прислали целую группу?

Неужели они от тоски по пандам совсем с ума сошли? Пусть Ся Дунли не был экспертом по этим животным, но даже он знал, что дикие панды в стране обитают исключительно в двух местах: в Сычуани и в горах Циньлин.

Ареал любого животного определяется изобилием пищи.

Основной рацион панды — бамбук. Хотя это злаковое растение способно переносить некий холод, растет оно преимущественно в низких широтах: пышным и быстрым ростом бамбук радуется только в теплом и влажном климате.

Не стоит думать, будто раз в деревне Сяоцзинь растет бамбук, то и во всем Дунбэе его можно сажать. В свое время один правитель древней династии, сделавший столицей северный город, так страстно увлекся южными садами, что вознамерился заложить у себя во дворце бамбуковый сад. Он из кожи вон лез, пытаясь вырастить бамбук на севере, потратил уйму средств, но терпел неудачу за неудачей. В итоге бедняге пришлось довольствоваться искусственным садом, смастеренным из бамбуковых материалов для услады взора.

Если уж монархам с их ресурсами это оказалось не под силу, то что говорить о дикой природе?

Даже в новейшее время, когда на севере появилось отопление, обеспечить бамбуку безопасную зимовку — задача далеко не из легких, требующая колоссальных человеческих и материальных затрат.

Деревня Сяоцзинь способна поддерживать жизнь бамбука лишь потому, что расположена в

горной ложбине: с севера ее защищают от холодных ветров высокие горы, а в недрах таится геотермальное тепло. Из-за этого температура почвы здесь на три-четыре градуса выше, чем в других местах на той же широте. И именно эти три-четыре градуса позволяют местному бамбуку пережить долгую и суровую зиму.

Но это редкое исключение. Проще говоря, растение тут едва выживает. А «выжить» еще не значит «процветать».

Как на юге бамбуковые побеги можно собирать круглый год, а на севере — только весной, так и сами растения подстраивают свои циклы размножения под климат.

Уже из этого видно: даже если северный бамбук как-то цепляется за жизнь, скорость его роста и размножения в разы уступает южному.

В наши дни в диких условиях на севере, за исключением таких аномалий, как деревня Сяоцзинь, да некоторых городов с не слишком морозными зимами из-за эффекта городского острова тепла, бамбук вообще не встречается, не говоря уже о целых рощах.

И даже если пара-тройка особо морозоустойчивых панд сдуру решит рвануть в Большой Дунбэй, они, весьма вероятно, всплакнут от отсутствия еды и с позором сбегут обратно.

<http://bllate.org/book/18144/1757864>